

«Интересы научных исследований отдельных частей Союза будут полностью обеспечены»: Конституция 1924 года и управление советской наукой¹

МАРИНА
ОКУНЕВА

Одним из неоспоримых достижений эпохи СССР считалась – и считается – советская наука. Но, констатируя это, стоило бы обратить внимание на вопрос, который редко привлекает исследователей: каким образом, собственно, советская система организации науки превращалась в общесоюзную? Порой в этой характеристике видится нечто изначально ей присущее. Между тем после образования СССР вопрос об организации управления наукой, а также о сотрудничестве и подчиненности научных учреждений союзных республик решался в ходе достаточно острых дискуссий, идеально вписывавшихся в процесс так называемого «федеративного торга».

СОВЕТСКАЯ НАУКА ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ

Формально разграничение полномочий между СССР и союзными республиками, регулирующих управление наукой, долгое время нигде не закреплялось. Ни в Договоре об образовании СССР (1922), ни в Конституции СССР (1924) вопрос о том, как центральные и республиканские власти должны управлять своей наукой, не ставился и не решался. Компетенция высших органов государственного управления также не позволяла делать однозначные выводы на этот счет: если народное просвещение было отнесено к исключительному ведению республик, то народное хозяйство принадлежало к вопросам совместного ведения². В частности, в РСФСР на момент учреждения СССР органы управления наукой одновременно вписывались в струк-

Марина Олеговна Окунева – старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 20-78-10095-П).

² См. статьи 11, 18 и 19 Договора об образовании СССР 1922 года, а также статьи 52 и 67 Конституции СССР 1924 года.

туры управления как народным хозяйством, так и народным образованием. С одной стороны, зарождавшиеся отраслевые научно-исследовательские институты, обслуживавшие нужды промышленности, оказались под началом Высшего совета народного хозяйства в лице его научно-технического отдела. С другой стороны, академическая и вузовская наука пребывала в подведомственности органов, руководивших образованием: структурных подразделений Народного комиссариата просвещения РСФСР в лице его Главного управления научных и научно-художественных учреждений (Главнауки) и Государственного ученого совета³. При Совете народных комиссаров РСФСР был образован Особый временный комитет науки, к компетенции которого относились вопросы, «имеющие общее значение для постановки и развития всего научно-ученого дела в целом», а также налаживание «более тесной связи между наукой и производственной жизнью Республики»⁴. Поставленная властями задача укрепления смычки между наукой и производством оказалась ключевым фактором, который в дальнейшем способствовал тому, что управление наукой было передано из сферы народного просвещения в сферу народного хозяйства.

**{ Скудость научного поля практически сразу задала
большевикам политическую цель: нужно было едва
ли не с нуля создать республиканскую науку.**

В союзных республиках на момент образования СССР число научных учреждений было незначительно, а собственная академия наук имела только в одной из них: в Украинской ССР с 1918 года работала Всеукраинская академия наук (ВУАН)⁵. В прочих республиках научная деятельность ограничивалась стенами университетов и других высших учебных заведений, а также единичных отраслевых НИИ. В структуре высших органов государственного управления союзных республик за управление наукой, как и в РСФСР, отвечали главные управления научных и научно-художественных учреждений (главнауки) республиканских наркоматов просвещения⁶. Эта скудость научного поля практически сразу задала большевикам политическую цель: нужно было едва ли не с нуля создать республиканскую науку. Особенно бурными темпами на про-

3 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. *Наука большой страны: советский опыт управления*. М.: РГГУ, 2023. С. 80–86.

4 *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов* / Ответ. ред. К.В. Островитянов. Л.: Наука, 1968. С. 68–69.

5 Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. *Наука в СССР: о чем говорит статистика?* М.: РГГУ, 2023. С. 10.

6 Глухарев Н.Н. *Поиск форм общегосударственного управления наукой в СССР во второй половине 1920-х гг.* // Наука и школа. 2010. № 6. С. 150.

тяжении 1920-х в СССР развивался отраслевой сектор, на долю которого к концу десятилетия приходились 32% научных организаций⁷. Соответственно, подъем экономики требовал скорейшего расширения сети исследовательских центров, а также их рационального размещения на территории страны⁸.

Хотя при обсуждении Договора об образовании СССР и проекта союзной Конституции об управлении наукой вообще не упоминали, практически сразу после принятия Основного закона возник первый повод затронуть эту тему. В 1924 году в связи с упразднением Особого временного комитета науки при СНК РСФСР необходимость разрешить чисто административный на первый взгляд вопрос – какой Совнарком, российский или союзный, должен ликвидировать упомянутое учреждение – спровоцировала напряженную дискуссию между вице-президентом Академии наук, математиком Владимиром Стекловым, и редактором-консультантом СНК СССР неким Бернштейном. В центре внимания спорящих оказался вопрос о конституционности существования общесоюзного органа управления наукой⁹. «Федералистская» позиция Бернштейна основывалась на буквальном толковании только что принятой Конституции СССР, которая не предусматривала создания объединенного Наркомпроса и относила к компетенции Союза лишь установление общих начал народного просвещения. С этой точки зрения учреждение предлагаемого Стекловым постоянного Комитета науки при СНК СССР выглядело «конституционно неправильным»¹⁰.

Позиция вице-президента Академии наук основывалась на констатации народнохозяйственного значения проводимых исследований, «имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза ССР». Отталкиваясь от нее, Стеклов делал вывод, согласно которому «такого рода исследования выходят из ведомства Наркомпроса и носят характер вне- или междуведомственный, затрагивают по преимуществу интересы других наркоматов». Соответственно, регулирование работ, производимых на всей территории СССР и выходящих за рамки компетенции отдельных (необъединенных) союзных наркоматов, было возможно, по мнению академика, только на уровне общесоюзного органа управления. С точки зрения Стеклова, необходимо было централизовать и руководство международным сотрудничеством советских науч-

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

7 Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. Указ. соч. С. 9.

8 Кольцов А.В. *Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг.* Л.: Наука, 1988. С. 16.

9 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. *Правовая политика Советского государства в сфере развития науки.* М.: Ленанд, 2022. С. 79–83.

10 *Заключение редактора-консультанта СТО и СНК СССР Бернштейна по докладной записке академика В.А. Стеклова.* Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7. Л. 151–151 об.

ных организаций¹¹. Хотя по итогам обсуждений единый межотраслевой общесоюзный орган, управляющий всеми научными учреждениями страны, на свет не появился (вместо него был учрежден Отдел научных учреждений СНК СССР, к функциям которого отнесли управление международным научным сотрудничеством), в этой дискуссии достаточно ярко проявилась позиция руководства Академии наук.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛИЗУЕТСЯ

Во второй половине 1920-х сложилась система, которая сочетала в себе государственные органы управления наукой на уровне союзных республик и сосуществующие с ними общесоюзные органы с ограниченной компетенцией, находящиеся в подчинении Совета народных комиссаров СССР и Центрального исполнительного комитета (ЦИК)¹². Тем не менее на фоне общего тяготения к централизации, отражавшего дух эпохи, продолжали выдвигаться предложения учредить общесоюзный орган управления наукой и передать наиболее важные научные учреждения под непосредственное управление общесоюзной власти. Так, в апреле 1925 года в СНК РСФСР была подана докладная записка Главнауки и Наркомпроса РСФСР о необходимости создать при СНК СССР Комитет по делам науки¹³, а в ходе Всесоюзной конференции главнаук республиканских наркоматов просвещения, состоявшейся в 1926 году, озвучивалась идея учредить общесоюзный орган управления наукой при СНК СССР¹⁴.

В записке Главнауки и Наркомпроса РСФСР содержалось достаточно подробное обоснование причин, по которым систему научных исследований в СССР надо передать под общесоюзное управление:

«Необходимость координации и, в некоторых случаях, полного объединения деятельности наркомпросов отдельных республик по научно-исследовательской линии вызывается: а) интересами самого исследовательского дела; б) интересами народного хозяйства, заинтересованного в объединенном плановом научном изучении культурных и хозяйственных ценностей всего Союза; в) неизбежностью выступлений на международных съездах, совещаниях и т.п. от имени всего Союза».

11 Докладная записка вице-президента Академии наук академика В.А. Стеклова Председателю СНК об организации Постоянного комитета науки при СНК СССР вместо Особого временного комитета науки. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7. Л. 181, 180.

12 Глухарев Н.Н. Указ. соч. С. 150.

13 Здесь и далее цит. по: Докладная записка Наркомпроса и Главнауки в СНК РСФСР о необходимости создания при СНК СССР Комитета по делам науки // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925)... С. 76–78.

14 Глухарев Н.Н. Указ. соч. С. 150.

Кроме того, продолжали авторы документа, общесоюзный статус «некоторых наиболее важных научных учреждений» обеспечил бы как «планомерное и систематическое построение их научной работы», так и улучшение их финансирования, что крайне актуально во времена восстановления экономики после разрухи. В качестве антитезы в записке приводится печальный опыт передачи серьезного научного учреждения – заповедника имени Христиана Раковского (прежде «Аскания-Нова») – под управление местных органов власти: «Этот ценнейший памятник природы из научно изучаемого и охраняемого учреждения мирового значения был превращен в простой совхоз и пришел, вследствие неумелой его эксплуатации, в катастрофическое состояние». Подчеркивалось, что общесоюзный статус важнейших научных учреждений также был бы в интересах союзных республик: «Деятельность таких мощных научных центров, обслуживающих сейчас лишь какую-либо одну из входящих в Союз республик, распространилась бы и на другие республики, обогащая их научными силами и обслуживая их жизненные интересы». Наконец, необходимым признавалось и централизованное руководство международным научным сотрудничеством: «Связь СССР с заграницей настолько окрепла, что возникает настоятельная необходимость Союзу ССР, как единому целому, вновь возобновить прерванные сношения с международными научными объединениями».

Наркомпрос РСФСР предлагал создать орган, который координировал бы научную деятельность учреждений разных республик Союза – Комитет по делам науки при СНК СССР. К задачам этой структуры Наркомпрос относил: а) согласование вопросов научной деятельности, затрагивающих интересы нескольких республик; б) организацию научного представительства СССР в международных сношениях; в) общий контроль над деятельностью научных учреждений всесоюзного значения. Предлагаемый орган предполагалось составить из представителей отдельных республик во главе с председателем, назначаемым Совнаркомом СССР персонально¹⁵.

В 1925 году вопрос об общесоюзном (и республиканском) статусе научных учреждений и распределении полномочий по управлению ими вновь вышел на первый план в связи с обсуждением статуса Академии наук. После революции петроградская Академия была преобразована из Императорской в Российскую, оставаясь таковой и после образования СССР. Двухсотлетний юбилей научного учреждения давал повод не только для масштабного празднования, но и для обновления устава Академии – которая продолжала работать на основании

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

15 Докладная записка Наркомпроса и Главнауки в СНК РСФСР... С. 76–78.

дореволюционной, пусть и измененной, версии, – а также соответствующего пересмотра ее статуса. В феврале 1925 года Академия наук представила в Совнарком записку, в которой обосновывалась целесообразность подчинения ее высшему государственному общесоюзному органу – СНК СССР¹⁶. Наркомпрос РСФСР в записке наркома Анатолия Луначарского и председателя Главнауки Федора Петрова поддержал позицию Академии в части придания ей «значения всесоюзного органа», но, «по соображениям идеологическим, плановым и организационным», потребовал оставить ее в сети учреждений Наркомпроса РСФСР¹⁷.

В обсуждении проекта нового Устава участвовали представители не только самой Академии наук, но и республиканских правительств, парторганизаций, заинтересованных ведомств. Приоритетным сюжетом выступал поиск оптимального разграничения предметов ведения союзных и республиканских органов власти, а это, естественно, напрямую затрагивало права союзных республик¹⁸. В контексте бурных споров о суверенитете и объеме прав членов Союза ССР, имевших место в недавнем прошлом, когда федерация только-только создавалась, республики обращали особо пристальное внимание на все решения, способные затронуть в будущем их права. По этой причине в создании общесоюзных органов управления республиканские власти усматривали вмешательство в свои внутренние дела¹⁹. Отдельное политическое значение приобретала также тема взаимодействия с Всеукраинской академией наук: заинтересованным сторонам было понятно, что предстоящая трансформация российской Академии во всесоюзную будет означать ту или иную форму подчинения ВУАН союзным структурам. В этой связи отдельные члены ЦК Коммунистической партии Украины в том же 1925 году протестовали против ожидаемых решений, настаивая на том, что изменение статуса «ленинградской академии политически несообразно». Раздражение вызывал и повод переименования; на этот счет резко высказался нарком просвещения УССР (и в будущем академик ВУАН) Владимир Затонский, заявивший, что «нельзя начать передергивать нашу общественную систему из-за двухсотлетия»²⁰. Наконец, в глазах некоторых передача академии с республиканского на союзный уровень – из ведения Наркомпроса РСФСР в ведение СНК или ЦИК СССР – в организационном плане означала отрыв науки от образования²¹.

16 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. *Указ. соч.* С. 102.

17 Там же. С. 103–104.

18 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. *Указ. соч.* С. 228.

19 Глухарев Н.Н. *Указ. соч.* С. 149–151.

20 Грибовский М.В., Дежина И.Г., Долгова Е.А. и др. *Указ. соч.* С. 228.

21 Там же.

В марте 1925 года вопрос о придании Академии наук всесоюзного статуса был вынесен на обсуждение фракции РКП(б) III сессии ЦИК СССР второго созыва, где решение о ее переименовании во Всесоюзную было одобрено большинством голосов после исключительно горячей дискуссии. Представители УССР и некоторые представители Наркомпроса РСФСР категорически противились признанию Академии высшим ученым учреждением СССР. Заместитель наркома юстиции РСФСР Николай Крыленко напоминал:

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

«[Конституция СССР] запрещает распространительно толковать в общесоюзном масштабе те отрасли культурной и просветительской работы, которые Конституцией и решением партии переданы в учреждение и управление республик. Вытекает тенденция [...] о том, чтобы [необъединенным наркоматам. – М.О.] превратиться в общесоюзный наркомат. Этой тенденции должен быть положен конец»²².

Секретарь ЦИК СССР Авель Енукидзе в свою очередь замечал:

«Украинцы по всякому поводу, что бы мы ни создали, всегда возражают и приводят национальные соображения, которые совершенно не связаны с действительными опасениями, [...] а Конституцию мы всегда можем дополнить, расширить».

Представители УССР и некоторые представители Наркомпроса РСФСР категорически противились признанию Академии высшим ученым учреждением СССР.

Вместе с тем компартии некоторых других союзных республик поддерживали предлагаемое решение о переименовании²³. И если председатель СНК ЗСФСР Иван Орахелашвили мягко указывал, что речь идет «только о признании того, что сейчас есть», то председатель СНК Грузии Шалва Элиава высказался гораздо резче:

«Каждая республика полагает, что она будет развивать свою собственную науку. Это чепуха, вздор. Наука не бывает русской, грузинской или армянской. Наука не терпит этих границ, а маленькие республики ввиду того, что у них ограниченные материальные возможности, не могут питать таких учреждений»²⁴.

22 Армашова А.В., Максимова Д.Д., Максимова О.Д., Окунева М.О. *Указ. соч.* С. 107–108.

23 Там же. С. 105–110.

24 Там же. С. 109–110.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Но на упомянутой сессии ЦИК СССР, прошедшей в марте 1925 года, не удалось разрешить другой проблемный вопрос – о статусе Академии наук. В июне того же года Алексей Рыков подал в ЦК ВКП(б) записку, в которой докладывал о ходе и результатах обсуждения:

«Ввиду приближения 200-летнего юбилея Академии наук и необходимости к этому моменту утвердить устав академии я предлагал обменяться на фракции мнениями по этому вопросу, наметить принципиальное решение его, предопределить, что Всесоюзная академия будет учреждением при ЦИК или СНК Союза, не будет иметь никаких административных прав и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены»²⁵.

По итогам положительного решения вопроса в партийной фракции Рыков просил ЦК вынести решение на утверждение высших органов власти. Разобраться с этим вопросом скорейшим образом нужно было для того, чтобы принять новый устав Академии. 8 июля последовало решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переименовании Академии наук во Всесоюзную. В нем отмечались мотивы, побудившие изменить статус:

«Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сего времени только Великороссию, и для того, чтобы сделать ее орудием поднятия науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимым преобразование ее во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик».

Следующим пунктом того же документа решался «украинский вопрос»: партийное руководство требовало «обеспечить сохранение независимости молодой Украинской академии, которой Всесоюзная академия должна всемерно помогать в ее развитии». Для разработки проекта устава Академии и иных вопросов ее организации была создана комиссия «из народных комиссаров по просвещению всех союзных республик», председателем которой стал Рыков²⁶.

К 1925 году в составе Советского Союза были уже шесть союзных республик: РСФСР, БССР, УССР, ЗСФСР, Узбекская ССР и Туркменская ССР (две последние появились после национально-государственного размежевания в Средней Азии, прошедшего в 1924–1925 годах). Все они приняли участие в разработке про-

25 О переименовании Академии наук во Всесоюзную. 8 июля 1925 г. (ПБ от 2.VII. 25 г., пр. № 69, п. 9.) (т.т. Рыков, Каганович, Луначарский) // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1 (1922–1952). С. 38.

26 Там же. С. 37–38.

екта устава Академии наук СССР, представив в марте 1926-го свои заключения. Надо сказать, что мнения республиканских властей совпадали не во всем. Если ЗСФСР и Туркменская ССР вообще не имели возражений против предложений центра, то отклик Узбекской ССР указывал на то, что проект нуждается в уточнениях: во-первых, следует разобраться, на каком принципе – единоначалия или коллегиальности – лучше выстроить управление административной, финансовой и хозяйственной деятельностью Академии; во-вторых, «в полном соответствии с Конституцией и постановлением о присвоении Академии наук всесоюзного значения необходимо в статьях 15, 16 и 38 заменить слово “русский” словами “ученый СССР”»²⁷. Что касается украинцев, то постоянное представительство УССР «ввиду того, что вопрос об утверждении Устава Академии наук СССР имеет весьма важное значение», сочло необходимым направить обсуждаемый документ на отзыв украинскому правительству²⁸.

По итогам обсуждения в административно-финансовой комиссии СНК СССР 23 марта 1926 года постоянным представителям республик было предложено представить заключения своих правительств – республиканских Советов народных комиссаров – по проекту устава Всесоюзной академии наук²⁹. Содержание этих отзывов свидетельствует, что наибольший интерес для субъектов федерации представляли вопросы, касающиеся обеспечения их собственных интересов, а также взаимодействия всесоюзной Академии и ее научных учреждений с республиканскими властями. В проекте 1925 года, согласованном с самой Академией, предусматривался следующий порядок координации:

«Академия наук по всем своим делам сносится непосредственно с наркоматами и другими учреждениями СССР и союзных республик, а по вопросам, требующим разрешения высшего Правительства, – выходит через Управление делами СНК СССР»³⁰.

Некоторым республикам привязка Академии к республиканской проблематике представлялась недостаточной. В частности, правительство ЗСФСР указывало:

«Прежде всего необходимо в большей степени, чем это сделано в проекте, обеспечить связь научной работы Академии с наркомпросами союзных республик, отсутствие этой связи в особенности чувствуется в статьях 3, 8, 64 и 72. Необходимо ее обеспечить,

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

27 *Заключения ведомств по проекту Устава Всесоюзной Академии Наук.* ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 231. Л. 9–9 об.

28 Там же.

29 Там же. Л. 19.

30 *Записка А.И. Рыкова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 апреля 1927 г. об уставе Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро...* С. 48–52.

принципиально ее установив в специальной статье проекта. В то же время научные учреждения, стоящие при Академии наук и находящиеся на территории отдельных республик, – должны быть подчинены правилам, которые выработаны для научно-исследовательских учреждений этой республики. С другой стороны, Всесоюзная академия должна быть не только связана с наркомпросами союзных республик, но и со всей культурной работой, которая производится в последней. При производстве научных, исследовательских и экспедиционных действий в пределах республик Академия должна использовать культурные силы этих последних, на чем особенно настаивает Армения. После статьи 9 должна быть вставлена статья, предоставляющая по соглашению Академии наук с совнаркомом союзных республик открывать ее отделения в этих республиках, причем последние должны работать как под руководством Академии, так и местных наркомпросов»³¹.

Правительство УССР не возражало против принятия проекта, но только при условии внесения ряда изменений, касающихся взаимоотношений Академии наук СССР с республиканскими органами власти и управления. В частности, предлагалось закрепить право Академии наук «по всем своим делам относиться непосредственно с наркоматами и другими учреждениями СССР и вносить свои запросы на непосредственное разрешение высших правительственных органов СССР и союзных республик», а также дополнить проект устава статьей следующего содержания: «План деятельности Академии наук согласуется Президиумом Академии наук с наркомпросами Союзных республик»³².

Как ни странно, наиболее резкая критика последовала со стороны правительства БССР. В его заключении проект Устава объявлялся «неприемлемым», а в числе мотивов такого суждения указывалось следующее:

«Из общих положений устава неясны задачи Всесоюзной академии как учреждения, которое должно содействовать советскому социалистическому строительству и в своей структуре отражать особенности этого строительства. [...] Проект Всесоюзной академии наук не признает на территории Союза других национальностей, кроме русских, так как только для них вместе с иностранцами открыты двери Академии наук. [...]

[Чтобы] Устав Академии наук СССР и ее структура действительно соответствовали назначению Академии как всесоюзного учреждения для того, чтобы она одинаково обслуживала все советские республики, строя работу на их самостоятельности, и способствовала общему стремлению их в направлении советского социалистического строительства, Всесоюзная академия наук должна быть построена на следующих основаниях:

31 Заключение ведомств по проекту Устава Всесоюзной академии наук. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 231. Л. 19.

32 Там же. Л. 19–20 об.

а) Академия наук СССР является учреждением, обслуживающим весь Союз ССР и его отдельные республики путем 1) разработки научных вопросов республиканского, всесоюзного и всемирного значения; 2) координирования работы Академий союзных республик, когда она по общему плану проводится по всему Союзу, причем выдающимся ученым национальных республик должна быть предоставлена возможность вести в кабинетах, библиотеках и учреждениях Всесоюзной академии при благоприятных условиях работу по изучению того или иного научного вопроса в республиканском масштабе;

б) [Свою] работу [...] Всесоюзная академия наук проводит или через республиканские академии наук и соответствующие им учреждения, или через свои учреждения в контакте с республиканскими академиями и соответствующими учреждениями;

в) Академия наук состоит при ЦИК СССР;

г) Для общего управления Академией наук СССР из представителей союзных республик и их академий или соответствующих им учреждений образуется Комитет Академии наук СССР»³³.

МАРИНА ОКУНЕВА

«ИНТЕРЕСЫ НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ
ЧАСТЕЙ СОЮЗА БУДУТ
ПОЛНОСТЬЮ ОБЕСПЕЧЕНЫ»...

УСТАВ ПРИНЯТ

С учетом замечаний правительств союзных республик проект был доработан и представлен на утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б) 6 апреля 1926 года, а затем передан на утверждение СНК СССР³⁴. В действие, однако, его ввели только в следующем году. В тексте Устава 1927 года часть поправок, предложенных правительствами республик, не нашла своего отражения, поскольку документ в основном был сосредоточен на регулировании внутренней организации Академии, а не на вопросах ее взаимодействия с республиканскими органами. Наиболее радикальные предложения по созданию союзно-республиканских органов управления Академией также не были приняты. Тем не менее в «Общие положения» было включено указание на общесоюзный статус и ее подчинение СНК СССР: «Академия наук Союза ССР есть высшее ученое учреждение Союза ССР, состоящее при Совете народных комиссаров Союза ССР, которому она ежегодно представляет отчет о своей деятельности», – говорилось в статье 1 Устава. В числе задач Академии значилось приспособление научных теорий и результатов научных опытов и наблюдений «к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР» (пункт «в» статьи 2), а при проведении научно-экспедиционной работы требовалось учитывать «нужды и пожелания союзных республик» (статья 3). В Уставе 1927 года впервые

33 Там же.

34 Академия наук в решениях Политбюро... С. 52.

появился отдельный раздел, в котором перечислялись особые права Академии наук Союза ССР, позволявшие ей непосредственно взаимодействовать со всеми учреждениями страны. Исходя из того, что за Академией наук закреплялась ведущая роль в развитии науки в Советском Союзе, Устав требовал согласовывать ее планы с правительствами союзных республик, а потом утверждать их в СНК СССР³⁵.

Таким образом, после образования СССР в ходе зачастую весьма напряженного торга федерального центра с союзными республиками постепенно складывалась советская система организации науки. Управление научной деятельностью в ее рамках относилось к совместному ведению СССР и субъектов федерации: в каждом из трех секторов советской науки выделялись два уровня подчинения научных учреждений – общесоюзный и республиканский. Такая система сохранялась вплоть до распада СССР. Более того, такой подход был воспринят и в процессе разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, получившем закрепление в Конституции 1993 года.

35 Подробнее см.: *Устав Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1927 год // Уставы Академии наук* / Ответ. ред. Г.К. Скрыбин. М.: Наука, 1975. С. 120–129.